facebook.com/rg.ru
odnoklassniki.ru/rg.ru
twitter.com/rgrus
vk.com/rgru

Российская газета
ural.rg.ru
7 апреля 2016
четверг № 73 (6941)

МЕСТНЫЕ ЗАКОНЫ

На Ямале оленеводов-частников уравняли в правах с юрлицами

В ТУНДРУ С ЧИПОМ

Анатолий Меньшиков, ЯНАО

ЯМАЛЬСКИЙ парламент утвердил в первом чтении законопроект «Об оленеводстве в ЯНАО». Можно сказать, что это радикально новая редакция аналогичного закона, принятого в автономии еще в 1998 году. Хотя прежний документ оброс множеством актуальных поправок, концептуально он устарел. Мало того, практически игнорировал интересы оленеводов-частников, которые содержат львиную долю стада домашних оленей—самого большого на планете. Наконец несправедливость устранена: частники стали, что называется, субъектом права. Вместе с тем им прямым текстом указали: играть по общим правилам, принятые условия выполнять.

Законопроект рождался несколько лет. Была надежда на появление профильного федерального закона, но дальше прений о его необходимости дело не шло. Тем временем проблемы обостряются, провоцируют конфликты. Пастбища Ямало-Ненецкого округа сужаются вследствие экспансии промышленников, истощаются, вытаптываются, поскольку поголовье велико, а растительность не успевает восстанавливаться. Сокращение стада неизбежно, как и изменение способов выпаса на некоторых территориях: вместо каслания—кочевания на сотни ки-

> Из-за промышленной экспансии на некоторых территориях меняются способы выпаса: вместо кочевания в тундре—передвижение в пределах выгона

лометров в тундре—передвижение в пределах выгона, границы которого определяет мобильная изгородь. По-североевропейски.

Определить оптимальное поголовье позволят научные исследования. И тут надо точно знать, сколько оленей у того или иного семейного хозяйства, какими пастбищными маршрутами оно пользуется. Чипирование животных—обязательное условие. Для вживления электронного паспорта-маячка, проведения зооветеринарной обработки в регионе построят дополнительно десять коралей (загонов). Процесс растянется на 2–3 года, потребуется 160 миллионов рублей. Пока в бюджете эти средства не зарезервированы.

Закон окончательно примут, судя по всему, ближе к концу года.

—Принципиальные положения документа обсудим в стойбищах, национальных поселках, с ассоциацией коренных малочисленных народов Севера «Ямал—потомкам!», активистами других общественных организаций, выражающих интересы оленеводов. Осенью с учетом их замечаний и предложений приступим к корректировке,—говорит председатель профильного комитета Заксобрания ЯНАО Марат Абдрахманов.

Численность поголовья—болезненная тема для частников, признают депутаты. Зато им гарантируют господдержку, четкий юридический статус, компенсационные выплаты при изъятии земель предприятиями ТЭКа.

Тем временем департамент АПК, торговли и продовольствия ЯНАО совместно с депутатами приступает к подготовке законопроекта о рыболовстве, в котором будут отражены специфика региона, задачи по разведению ценных пород рыб, меры стимулирования инвесторов, восполняющих водные биоресурсы, а также механизм экономической поддержки коренных северян-рыбаков, ведущих традиционный образ жизни.

СПРАВКА «РГ»

Сегодня оленеводческая отрасль ЯНАО представлена 21 предприятием, 34 общинами, 5 крестьянскими и 3112 личными хозяйствами. В автономии насчитывается около 14 тысяч кочевников, ориентировочно 650 тысяч оленей.

Опыт Объекты культурного наследия повышают капитализацию городской среды

Памятник на самоокупаемости

ТАТЬЯНА АНДРЕЕВА

Типичный пример обращения застройщиков Екатеринбурга с историческим наследием: к старинному фасаду пристроено бетонное нечто.

Наталия Швабауэр, Екатеринбург

На днях суд отказал активистам Свердловского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в иске против областного мингосимущества. Общественники предлагали внести в реестр памятников комплекс домов и старинную церковь в районе улиц Степана Разина, Тверитина, Чапаева и Декабристов в Екатеринбурге, но получили отказ, который и попытались оспорить в суде. По их мнению, без защиты государства исторические здания могут исчезнуть в результате масштабной застройки, ведущейся в этом районе. Так, в октябре 2015-го здесь вопреки протестам общественности был снесен дом, построенный в XIX веке.

Подобные случаи не редкость для столицы Урала, облик которой за последние 20 лет до неузнаваемости изменили не вписывающиеся в исторический ландшафт небоскребы. Цена земли в центре мегаполиса такова, что застройщики идут на любые ухищрения, чтобы освободить участки: немало купеческих особняков сгорело, другие просто попали под бульдозер.

В то же время гендиректор института «Ленгипрогор» Юрий Перелыгин считает: исторические здания могут быть рентабельными, создавать новые рабочие места и менять экономику городов, даже несмотря на то, что затраты на реконструкцию и приспособление к современности в 2–2,5 раза выше, чем обычное строительство. Опыт проектировщиков, занимающихся реконструкцией исторических кварталов Иркутска, Красноярска, Самары, Вологды, для многих уральских девелоперов стал настоящим откровением.

Юрий Александрович, что объединяет исторические центры разных российских городов?

ЮРИЙ ПЕРЕЛЫГИН: Как правило, ветхие здания, инфраструктурные проблемы и низкий уровень благоустройства. Тотальное недофинансирование. Власти, бизнес, агентства развития видят в памятниках обузу, не знают, что делать с ними. Реконструкция—это либо меценатство чистой воды, либо нагрузка на бюджет. Сначала за счет государства здание восстанавливают, потом превращают в музей и снова ставят на казенное содержание.

Когда реконструируешь точку (конкретный дом), не понимаешь, кто ее соседи, что будет дальше с территорией. Но, когда создаешь разнообразную среду вокруг объекта культурного наследия, повышается капитализация всего пространства. Очень много улиц в наших городах называются пешеходными, но на деле ими не являются (по опыту, должно быть не меньше 107 объектов на километр, чтобы среда «работала»).

Как вы оцениваете центр Екатеринбурга?

ЮРИЙ ПЕРЕЛЫГИН: Проспект Ленина красив как центральная ось, но не очень пешеходен. С моей точки зрения, в городе должно быть тусовочное креативное место, закрытое, как сейчас пытается сделать Москва, сильно ограничивая личный транспорт, пуская его в одностороннем направлении.

А Тюмень? Считается, что там удалось сохранить дух истории.

ЮРИЙ ПЕРЕЛЫГИН: Они ограничили высотность в центральной части города, но среда выстроена крупными мазками, и это видно. Требуется человеческий масштаб, нужно возиться с каждым объектом, чтобы от него исходило ощущение уюта.

Акцент

> В основном исторической реконструкцией интересуется бизнес средней руки. Лоты формируются так, что кроме памятника в них входит еще несколько объектов, за счет которых окупаются затраты

Возникали ли у вас проблемы с реестрами: на бумаге памятник есть, де-факто давно снесен? Или, наоборот, в реестр включены объекты, никакой ценности не представляющие.

ЮРИЙ ПЕРЕЛЫГИН: Сплошь и рядом. Приходится уточнять списки, вносить изменения на уровне постановления субъекта РФ (памятников федерального значения в регионах не так много). В минкультуры сидят здравые люди, но у многих, к сожалению, преобладает музейный подход: боятся, что придание современных функций все разрушит. Наоборот, если ничего не делать, здание разрушится само!

Насколько важна заинтересованность мэра либо губернатора в проекте?

ЮРИЙ ПЕРЕЛЫГИН: Это обязательное условие, ведь надо не просто внести изменения в схему территориального планирования и генплан, но и привлечь бюджетные средства. К сожалению, 131-ФЗ и Бюджетный кодекс выстроены так, что каждый субъект власти может финансировать только свою недвижимость. То есть муниципалитет или регион не имеют права вкладывать деньги в памятник федерального значения, даже если тот разваливается на глазах. Сосредоточить все бюджеты на одной территории—сложная управленческая задача, но, если удается ее решить, эффект просто поразительный. Бизнес не пойдет в те проекты, где нет синхронизации усилий власти, даже когда ему обещают высокую рентабельность.

К примеру, в Самаре историческую реконструкцию центральной части города инициировал губернатор, в Красноярске—мэр. В Иркутске глава региона не сразу проникся идеей не сносить «деревяшки». Он хотел к юбилею города очистить территорию и построить что-то новое.

А если инициатива исходит от предпринимателей?

ЮРИЙ ПЕРЕЛЫГИН: Тоже возможно, но подобным идеям не хватает политической воли.

Какие виды бизнеса можно развивать в историческом окружении?

ЮРИЙ ПЕРЕЛЫГИН: Все, что мы привыкли видеть в центре города: кафе, клиники, детские развивающие центры, гостиницы, рестораны, ремесленные мастерские, банки, офисы. Хорошее городское пространство обеспечивает больший процент занятости населения, чем та же промышленность. Если современные производства могут обойтись без людей, то сфера сервиса—нет.

Крупные инвесторы редко интересуются исторической реконструкцией. В основном это бизнес средней руки. Лоты формируются так, что кроме памятника в них входит еще несколько объектов, за счет которых окупаются затраты.

Как решить проблему нежелания арендаторов содержать памятник? Даже если сдают за символическую плату, порой берут и ждут, когда здание рухнет.

ЮРИЙ ПЕРЕЛЫГИН: Мы такой механизм отработали в Иркутске, сейчас используем в Красноярске: муниципалитет регистрирует фонд, вкладывает имущество в уставный капитал. Памятники остаются в собственности фонда и не передаются в пользование арендаторам, пока те не выполнят все обязательства по договору.

Вообще, нельзя инвесторов оставлять самих по себе: все предпроектные вопросы, включая используемые материалы, они обязаны согласовывать с фондом. У заказчика-застройщика, когда он получает права на земельный участок, велик соблазн что-то изменить в проекте. Если реализация хотя бы на 70–80 процентов соответствует первоначальному варианту, уже хорошо.

Сколько сейчас проектов реконструкции у вас в работе?

ЮРИЙ ПЕРЕЛЫГИН: Три. К примеру, исторический квартал Красноярска: два гектара, восемь деревянных двухэтажных зданий, парк на 25 гектаров. Единственное место в городе, где еще можно что-то воссоздать из старины. В Томске памятников гораздо больше: порядка ста, ни один из них не планируется сносить, наоборот, их впишут в проект реконструкции набережной.

В Самаре предстоит реконструировать стрелку: место слияния рек Волги и Самары. 400 лет назад здесь была крепость, сейчас—промзона вперемешку с купеческими домами. Ключевая идея—убрать промышленную функцию территории, восстановить историческую и построить 300 тысяч квадратных метров жилья. На предпроектные работы потрачено два с лишним года, проект уже вышел на инвестиционную стадию.

Проект в Иркутске стартовал в 2009 году. Каких результатов удалось достичь за это время?

ЮРИЙ ПЕРЕЛЫГИН: Семь лет назад 130-й квартал представлял собой 5,8 гектара земли, порядка 60 деревянных домов, земляные полы, уличные колонки и туалеты, соответствующая социальная среда. Что сделали? Восстановили 12 объектов культурного наследия и еще 26 домов опорной застройки довели до отличного состояния. Пробили пешеходные зоны внутри квартала, причем достаточно долго пришлось убеждать защитников памятников не ставить заборы, чтобы не закрывать общественное пространство. Согласовали специальные техусловия с пожарными. За счет рельефа сделали цокольные этажи, куда внедрили современные инженерные системы.

Участок выставляли на торги 32 лотами, на каждый—свой инвестор. Доходность проекта превзошла все прогнозы. Изначально на 300 миллионов вложенных бюджетных рублей ждали 80 миллионов рублей налогов ежегодно. Также планировалось создать 600 новых рабочих мест. На самом деле их уже свыше двух тысяч. В год квартал генерирует шесть миллионов посещений, 11 миллиардов рублей товарооборота и миллиард рублей налогов во все уровни бюджетов. Притом что весь бюджет Иркутска—около 12 миллиардов.

В чем особенность механизма ГЧП, который использовали на этой площадке?

ЮРИЙ ПЕРЕЛЫГИН: Во-первых, мы изменили структуру собственности на территории. У нас в стране так грубо в свое время отнеслись к приватизации зданий и земли, что сегодня мы имеем лоскутное одеяло, которое не позволяет грамотно реконструировать. В Иркутске, к примеру, 49 процентов участка изначально находилось в муниципальной собственности, 51—в частной.

Во-вторых, был создан единый центр управления, фонд, куда учредителями вошли местные бизнесмены, зарабатывающие на городской среде. Фонд выступил агентом развития, он концентрировал базовую идею, мастер-план, экономические расчеты, контроль за сроками реализации. Также фонд участвовал в управлении средствами федеральной программы переселения из ветхого жилья и городской программы благоустройства.

мнение

Андрей Бриль,
полномочный представитель Гильдии управляющих и девелоперов в Екатеринбурге и Свердловской области:

—Этот опыт будет важен при реализации проекта «Большой Екатеринбург». У нас в последнее время акцент делался на объемах ввода и комплексном освоении территорий, при этом мало кто задумывался, что делать с центром мегаполиса, за счет каких источников реконструировать памятники.

ИЗ АРХИВА ЛЕНГИПРОГОРА

А вот так выглядит восстановленный с соблюдением архитектурных канонов 130-й квартал Иркутска.

ВЛАСТЬ И БИЗНЕС На Южном Урале господдержку получат небольшие промышленные компании

Пришло время экспорта

Арина Мироненкова, Челябинская область

ПРИОРИТЕТНЫМ направлением деятельности Фонда развития промышленности Челябинской области станет поддержка малых и средних производственных предприятий, поставляющих продукцию на экспорт.

—Федеральный фонд развития промышленности рассчитан в основном на крупных игроков рынка, поэтому на региональном уровне мы для себя определили приоритетом другой сектор,—говорит министр экономического развития Челябинской области Сергей Смольников.

Капитализация регионального фонда, созданного в феврале 2016 года, сегодня составляет 142 миллиона рублей. Его средства планируется направить в первую очередь на предоставление экспортерам льготных займов по ставке не более 8,25 процента, что в 1,5 раза ниже рыночных значений. Возможна также компенсация части затрат при покупке новой техники либо оформлении ее в лизинг.

Во втором квартале этого года завершится формирование перечня компаний, которые смогут претендовать на поддержку фонда. Чиновники отмечают, что бюджетные деньги получат прежде всего компании, выпускающие высокотехнологичную наукоемкую продукцию, способную выдержать конкуренцию с импортными аналогами. Пока ее доля в общей структуре экспорта Южного Урала невелика: превалируют поставки черных и цветных металлов.

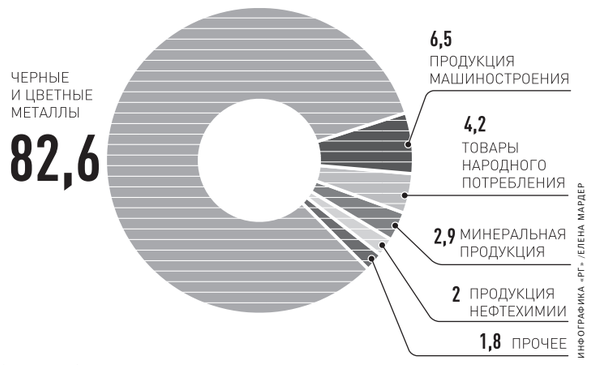
—Малому бизнесу крайне сложно выйти на внешний рынок, еще сложнее там удержаться,—говорит председатель комитета по внешнеэкономической деятельности (ВЭД) регионального отделения «Опоры России» Алексей Черкасов.—Финансовые меры поддержки важны, но для успеха на зарубежных рынках требуется не только выгодная цена на товар. Нужно, чтобы его узнавали и был сформирован спрос.

По словам эксперта, в этом не последнюю роль играют маркетинговые программы, участие в международных выставках, регулярный мониторинг рынков. Мелким экспортерам зачастую не хватает опыта, знания особенностей логистики, налогообложения, юридической практики тех стран, куда планируются регулярные поставки. Поэтому, не имея возможности сотрудничать напрямую, малые предприниматели вынуждены обращаться к посредникам и терять часть своей прибыли.

По словам председателя комитета по ВЭД Южно-Уральской торгово-промышленной палаты Мавлита Ахтямова, в связи с девальвацией рубля у малого и среднего бизнеса сегодня весьма хорошие перспективы в продвижении конкурентной продукции за рубеж. В прошлом году финансовой поддержкой в рамках региональных программ воспользовались 15 некрупных компаний-экспортеров Южного Урала, которым возместили часть затрат на реализацию инвестпроектов на общую сумму 24 миллиона рублей.

ТОВАРНАЯ СТРУКТУРА ЭКСПОРТА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 2015 ГОДУ, %

Источник: минэкономразвития Челябинской области



ИНФОГРАФИКА «РГ», ЕЛЕНА МАРДЕР

ИНИЦИАТИВА Прокурор намерен через суд лишить депутатов и чиновников доплат к пенсии

Добровольно не сдались

Валентина Пичурина, Курганская область

ПРОКУРОР Курганской области подал в суд иск с требованием признать недействующим региональный закон № 97 «О доплате к пенсии лицам, замещавшим государственные должности Курганской области…». Согласно этому документу, принятому еще в 2001 году, право на дополнительные выплаты имеют губернатор, его заместители, члены правительства, депутаты областной Думы, уполномоченные по правам человека и правам ребенка, защите прав предпринимателей, председатель избирательной комиссии области, его заместитель и секретарь комиссии.

В прокуратуре ссылаются на позицию Конституционного суда РФ, который обязывает законодателей соблюдать баланс частных и публичных интересов, в том числе принимать во внимание социально-экономическое положение региона и возможности его казны, которые в Курганской области далеки от идеальных. Зауралье относится к дотационным субъектам, бюджет на 2016 год сверстан с дефицитом более трех миллиардов рублей. Очень велик и внутренний долг региона. Из-за финансовых проблем власти не могут полностью выполнить социальные обязательства, в частности, по обеспечению жильем детей-сирот. Кроме того, регион своевременно не рассчитывается по госконтрактам: долг перед подрядчиками превысил 600 миллионов рублей. А вот на доплаты к пенсиям чиновникам деньги находятся: областной бюджет ежегодно тратит на эти цели от 14 до 16 миллионов рублей.

Надзорное ведомство уже пыталось решить вопрос с отменой доплат, но на пленарном заседании облдумы в марте депутаты протест прокурора отклонили большинством голосов. Как пояснил председатель комитета по законодательству и государственному строительству Федор Ярославцев, решение принято по результатам анализа действующего законодательства и судебной практики. Теперь точку в этом вопросе должен поставить суд.